

УДК1(161.1)

Эволюция панмонголизма в начале XX в.: от «культурного панмонголизма» к государственной идеологии*

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции феномена «панмонголизм» от «культурного панмонголизма» к государственной идеологии как результату Синьхайской революции 1911–1913 гг. и Кяхтинского тройственного соглашения. При этом особенно подчеркиваются роль Российской империи и усилия ее дипломатической службы. Важное место в работе отводится значению личности в истории современной Монголии – Богдо-гэгэна, ставшего руководителем теократического государства и идеологом панмонголизма.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, панмонголизм, VIII Богдо-гэгэн Джебцзундамбахутухта, монгольский мир, Синьхайская революция, Кяхтинское соглашение.

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...
Вл. Соловьев «Панмонголизм». 1894 г.

Введение

Истоки социокультурного феномена, каковым является панмонголизм, и негативного отношения к нему связаны прежде всего с представлениями русского философа Вл. Соловьева о «желтой опасности» [35], имперскими планами России по созданию буферной зоны между Байкалом и Тихим океаном – «Желтороссии» на рубеже XIX–XX вв., способной защитить европейскую часть империи от «желтого» нашествия [25–27], и, наконец, с поражением России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Кроме того, пристальный интерес к нему был вызван поэзией представителей Серебряного века [31] и произведениями русских символистов [1], которые сформирова-

---

* Проект № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № II.2 «Интеграция и развитие».

ли в обществе целый набор самых различных идей, фобий и представлений об угрозе с Востока. Тем самым Россия и Восток в начале XX в. составляли главный нерв всей русской культуры, выразителями которой служили представители Серебряного века [28]. И ключевым моментом дискуссии вокруг двухполюсной самоидентификации России стал панмонголизм. Все эти аспекты получили серьезное освещение в современной российской историографии [22].

Дальнейшей эволюцией панмонголизм обязан национальному движению в Забайкалье, появлению идеи культурно-территориальной автономии, возникновению, по словам Б. Барадина, «определенного стремления к национальному объединению и организации, чего раньше в истории бурят-монголов не было» [2, с. 13], и дискуссии о развитии бурятского языка [6; 10; 12], способствовавшим возникновению «культурного панмонголизма» [10, с. 16]. Все это позволило панмонголизму эволюционировать в идеологию монгольского мира, а после победы Синьхайской революции 1911 г. превратиться в государственную идеологию [21].

Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира

Одновременно с вызреванием идеи панмонгольского движения на бурятской почве на рубеже XIX–XX вв. на территории Монголии, входившей в состав империи маньчжурской династии Цин, возникает тенденция, направленная на объединение кочевников Монголии. Эта тенденция проявилась в панмонгольском движении, вдохновленном идеологией единства монгольских народов, основу которой составляли идеи возрождения монгольской государственности и объединения монгольских народов, подданных династии Цин, во главе с высшим иерархом монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэном. Фактически с момента своего зарождения панмонгольская идеология неизбежно включалась в контекст различных политических и социальных процессов, проходивших в монгольском ареале, вследствие чего возникали неоднозначные коллизии, так или иначе связанные с идеей единства монгольских народов. Сразу же следует отметить, что «под панмонгольской идеологией следует понимать идеологию единства общностей, отождествляющих себя с монгольской историей и культурой, объединенных под термином «монгольские народы» [36]. Однако, если в феномене панисламизма фундаментом этой идеологии, кроме общей истории и культуры, служит язык, то в панмонголизме язык не играл определяющей роли. Наряду с историей Монголии основой идеологии панмонголизма служат буддийская религия и этнорегиональные особенности монгольских народов.

Пожалуй, можно выделить еще одно немаловажное отличие панмонголизма от панисламизма, позиционирующегося как религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о вненациональном, внеклассовом единстве всех мусульман, обусловленном равенством их «перед лицом Аллаха», и о необходимости объединения мусульман в рамках единого теократического государства. В этой связи следует показать место и роль ислама в истории России [23; 24]. Это представляется тем более важ-

ным, что в 1880–1890-е гг. российским мусульманским публицистом и общественным деятелем Исмаилом Гаспиринским была выдвинута идея объединения мусульман (преимущественно тюрок) и модернизации традиционного мусульманского общества на основе стратегического сближения исламского мира с Россией. Такое сближение, с его точки зрения, было бы взаимовыгодным как для России, так и для мусульман, и могло бы способствовать их совместному выживанию и конкуренции с Западом [9; 30; 38; 39]. При этом следует отметить, что идеи панисламизма рассматривались российской властью как прямая угроза стабильности православной империи, а следом за ней и всей христианской цивилизации. Эта настороженность усиливалась имевшими место прогнозами о возможности объединения мусульман и Китая, которые должны были смести «просвещенную» европейскую цивилизацию.

Сравнивая же панисламизм с панмонголизмом, стоит упомянуть, что последний возник не как конкурентная среда, стремящаяся противостоять внешним силам, а как стремление к духовному единству, что позволило ему стать объектом транснациональной истории. И здесь немаловажным фактором идеологии панмонголизма было то, что на стадии складывания панмонгольского движения его неотъемлемой составляющей стал номадизм, который наряду «с кочевым образом жизни» рассматривается современной историографией и как «концепция, согласно которой будущее человечества видится не в национально-территориальной замкнутости и ограниченности, а в свободном передвижении по всей планете людей и их творений; всепланетное кочевничество» [40]. Поэтому не случайно панмонголизм нашел благодатную почву на территории Монголии, включение которой «в состав Цинской империи явилось отправной точкой в национально-освободительной борьбе монгольского народа» [21, с. 88]. То есть в данном случае ситуация в Монголии начала XX в. в некоторых чертах тождественна польскому примеру, который приводит Э. Смит: «Точно так же польское национальное государство, возникшее в 1918 г., не было ни простым «возрождением», ни «изобретением». Польша, которая стала независимым государством в 1918 г., заметно отличалась от государства польской знати, духовенства и дворянства, которое утратило свою независимость во время его разделов в конце восемнадцатого века. Но оно и не было совершенно новым образованием. Во многих отношениях оно было связано с прежним польским государством и не в последнюю очередь общими кодами, ритуалами, мифами, ценностями и символами, которые объединяли поляков на протяжении долгого XIX в. их несвободы» [34]. Так же и в Монголии, исходя из терминологии Э. Смита, возник проект создания государства на «генетическом» уровне.

Таким образом, фактически идея создания государства монгольских народов своими корнями уходила в средневековую историю Центральной Азии и была подготовлена всем ходом исторического развития, получив особый импульс в начале XX в.

VIII Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта

Богдо-гэгэн VIII – восьмой Халха Джебцундамба-хутухта (1869, Лхаса – 17 апреля 1924, Урга) – глава буддистов Монголии, теократический правитель Монголии (1911–1921), монарх Монголии с ограниченными правами (1921–1924) [19]. Официальное признание мальчика новым Богдо-гэгэном состоялось в Потале при участии Далай-ламы XII и Панчен-ламы в 1874 г. В 1875 г. в сопровождении торжественной процессии монгольской знати и духовенства, а также бурятских лам он был привезен в Ургу и возведен на трон Богдо-гэгэна [8]. Ему с детства преподавали тибетский и монгольский языки, буддийскую философию. Он был единственным среди восьми воплощений Богдо со степенью габджи [3; 29].

***

16 декабря 1911 г. в результате победы Синьхайской революции и ликвидации маньчжурской династии Цин в Китае был установлен республиканский строй. Более того, Синьхайская революция спровоцировала возникновение на Севере Китая мощного периферийного движения, которое помогло Халхе сломить китайское влияние и получить независимость. На ханский престол был возведен Богдо-гэгэн [16]. Тем самым после свержения власти маньчжурской династии Цин в Монголии установилась теократическая монархия. Приход к власти духовенства на смену светской, пусть даже и иноземной, власти стал уникальнейшим явлением в мировой истории. По мнению Л. Крайновой, имелось несколько факторов, способствовавших установлению буддийской теократической монархии в Монголии:

- огромная численность духовенства, которая составляла, по разным оценкам, от 30 до 44 % мужского населения страны;
- административно-политическая система, сформированная в Монголии цинскими властями, которая поставила буддийское духовенство в привилегированное положение и возвысила над светскими князьями;
- монастырская и административная вертикаль иерархии среди самого духовенства;
- мощная экономическая основа монастырского хозяйства [13].

Следует подчеркнуть, что высшее духовенство наиболее активно поддерживало идею восстановления монгольской государственности. В этих условиях особо важное значение имела агитация в поддержку национального движения со стороны Далай-ламы XIII [15]. Именно его политическая активность способствовала росту национально-освободительного движения в Халхе, а стремление сблизиться с Россией повлияло на внешние ориентиры этого движения. Не исключено, что пример Его Святейшества, который в полной мере использовал «свой огромный авторитет для решения политических задач, натолкнул представителей монгольской элиты на мысль об использовании в освободительной борьбе собственных духовных иерархов» [21].

Все это содействовало переходу панмонголизма в практическую плоскость, проводником которого стало буддийское духовенство.

Сразу же после провозглашения независимости было обнародовано «Возвание ханов, ванов, гунов, дзасаков, и равно хамбо, шанцзодбы и да-

лам всех четырех халхаских аймаков к монголам»: «Мы, монголы, искони составляли особую народность. Теперь, согласно древним порядкам, надлежит установить свое национальное независимое от других, новое государство...» [4, с. 49]. К осени 1912 г. власть правительства Богдо-гэгэна VIII распространилась на всю Внешнюю Монголию [7, с. 26]. Его духовный авторитет распространился на все монгольские народы, исповадавшие буддизм. О переходе под власть Богдо-хана Джебцзундамба-хутухты VIII заявило большинство монгольских владений, находившихся раньше под властью маньчжуров. К концу 1912 г. о переходе в его подданство заявили Барга (Хулунбуир), 35 из 49 хошунов Внутренней Монголии, 8 чахарских, 16 дэрбэтских, 3 дзахчинских, 7 алтай-урянхайских, 3 торгутских хошуна и монголы Кукунора. Согласно декрету Богдо-гэгэна VIII, адресованному жителям Внутренней Монголии, «наша Монголия должна создать объединенное государство, защитить нашу Желтую веру и избежать страданий и подавления со стороны других держав... Нет другого пути существования, как независимость». Сохранились десятки петиций нойонов Внутренней Монголии о переходе в подданство Богдо-хана. Причем, главным желанием всех слоев монгольского общества (аратов, духовенства и феодалов) было избавиться от власти Китая, колонизации и засилья китайцев. Некоторые подчеркивали необходимость возрождения Великой Монгольской империи» [14, с. 59]. Тем самым, под знаменем Богдо-хана собирались все этнические объединения монгольского мира и вызревали основы полиэтнического государства (!).

Богдо-гэгэн был духовным отцом и бурят, а Пандито Хамбо-лама признавал его несомненное лидерство. Фактически в северном буддизме Богдо-гэгэн стал третьим иерархом после Далай-ламы и Панчен-ламы [17]. Именно поэтому Богдо-гэгэн – глава буддийской церкви – стал не только знаменем и символом возрождения Монгольского государства, но и идеологом панмонголизма. При этом, по справедливой оценке Е. А. Белова, в этот период панмонголизм не носил реакционного характера, ибо «разделенный народ, находившийся под властью другого государства, естественно стремился к объединению и созданию своего собственного независимого государства» [4, с. 199].

Внутренние социально-политические факторы обусловили изменение обстановки и во Внутренней Монголии, которая после Синьхайской революции была иной, чем в Халхе. Действия национально-патриотического движения не были там столь же успешными, как во Внешней Монголии. Это обуславливалось наличием следующих причин:

1) Внутренняя Монголия не представляла собой единого целого ни в хозяйственном (часть монголов уже стала земледельцами), ни в политико-административном отношениях, потому что территория Внутренней Монголии была поделена на шесть аймаков (сеймов): Чжирим, Чжоуда, Чжосот, Силингол, Уланцаб и Ихэчжоу. Более того, существовали многочисленные хошуны, которые не входили в состав аймаков [7, с. 26]. При таком административном делении региона консолидировать политические силы было достаточно проблематично;

2) на территории Внутренней Монголии продолжали службу китайские военные командиры, которые подавляли любые попытки восстания и поддерживали ханьское население;

3) во Внешней Монголии сохранилось больше черт традиционного монгольского общества, чем во Внутренней Монголии. Во Внутренней Монголии в городах торговля заменила кочевой образ жизни. Она стала основой социальных отношений и в нее были включены не только князья, но и ламаистское духовенство;

4) южномонгольские князья были глубже включены в систему коррупционных отношений с цинской администрацией, чем князья Халхи. Это позволило Китаю манипулировать политически зависимыми элитами Внутренней Монголии и не допустить политического объединения князей;

5) Внутренняя Монголия «защищала» Халху от китайской колонизации, которая началась примерно с середины XIX в. Поэтому общество Внешней Монголии подверглось меньшей трансформации, чем общество Внутренней Монголии.

Таким образом, все факторы сформировали определенный тип общественно-политических отношений во Внутренней Монголии, при котором политическое влияние Пекина было достаточно сильным, а земледелие, развитое китайской иммиграцией, стало доминировать над кочевым образом жизни и оказывать на него существенное воздействие. Такая ситуация привела к новому витку национализма во Внутренней Монголии, который затем стал основой повстанческого движения. Это, в конечном итоге, привело к выделению особого административного района в составе Китая. К началу XX в. Внутренняя Монголия играла достаточно весомую роль в политической и торговой жизни севера китайской империи. Китайская политика в этот период существенно менялась от умиротворения северного соседа до полного подчинения Внутренней Монголии китайскому правительству: на протяжении веков Внутренняя Монголия сохраняла свою политическую зависимость для Китая. Все это мало способствовало нарастанию панмонгольского движения и распространению идеологии панмонголизма.

Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г.

Движение за независимость Монголии и основание национальной государственности в 1911–1915 гг. вызвало неоднозначную реакцию со стороны Санкт-Петербурга, Пекина и Токио. Российская империя стремилась использовать панмонгольское движение для создания монгольской автономии, которая послужила бы буфером между Россией и Китаем [33]. Пекин по-прежнему считал Монголию своей провинцией и не признавал никакой государственности в принципе. Что касается Японии, то она поддерживала национальное движение во Внутренней Монголии как средство давления на Китай.

26 августа 1914 г. в Кяхте, на территории этнической Бурятии, начались русско-китайско-монгольские трехсторонние переговоры, завершившиеся 7 июня 1915 г. подписанием договора об автономии Внешней Монго-

лии во главе с Богдо-гэгэном VIII Джебцзундамба-хутухтой, определившего территорию современной Монголии, ее государственность и независимость. Этому важнейшему политическому событию в мировой истории предшествовали четыре года дипломатических баталий, завершившихся победой российской дипломатии.

Конечно, Внешняя Монголия не добилась на трехсторонних переговорах гарантий независимости, провозглашенной в 1911 г., и присоединения к себе Внутренней Монголии и Барги. Но при этом следует иметь в виду, что Монгольское государство образца 1911 г. не получило международного признания и находилось в довольно пикантном положении: непризнанное, хотя и независимое, суверенное государство. При этом Монголия могла осуществлять самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и де-факто выступать субъектом международного права. В этих условиях Монголия находилась в экономической и политической зависимости от Российской империи.

Что же дало Кяхтинское соглашение Монголии?

Во-первых, международный акт определил территорию современной Монголии в контексте истории XX в.

Во-вторых, соглашение стало базовым документом государственности, независимости и международного признания Монголии.

В-третьих, успех трехсторонней встречи показал профессионализм российской дипломатии, серьезность и ответственность намерений России по отношению к «монгольскому вопросу», которая стала гарантом монгольской государственности.

Заключение

По справедливому мнению Ю. В. Кузьмина, благодаря гибкой и профессиональной политике российской дипломатии удалось создать автономную, а фактически самостоятельную и независимую Монголию [18]. В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения Е. А. Белова о том, что панмонгольское движение периода 1911–1915 гг. потерпело поражение, обусловленное отсутствием мощной поддержки извне и всенародной борьбы снизу [5, с. 179]. Благодаря Кяхтинскому соглашению окончательно сформировалась идеология панмонголизма, превратившаяся в государственную идеологию (!), способную объединить весь монгольский мир и способствовавшую «формированию мировоззрения монгольских народов» [20]. И если во внешней политике Российской империи понятие «автономия» рассматривалось как деструктивное и дезинтегрирующее [37, с. 124], то в ходе Синьхайской революции оно стало важнейшей составляющей в «сибирско-монгольском пограничье» [32, с. 138] на пути к монгольской государственности. Тем самым 1915 год стал водоразделом в истории Монголии, которая вступила в XX в. как субъект международных отношений, оказавшись «на самом острие основного конфликта XX в. – раскола мира на два полюса» [11]. 1915-й год ознаменован апогеем эволюции идеологии панмонголизма в первой четверти XX в. Об этом красноречиво свидетельствует участие бу-

рятских демократов в создании автономной Монголии. Так, идеолог «культурного панмонголизма» Ц. Жамцарано стал советником российского консульства в Урге и советником правительства Богдо-гэгэна. Панмонголизм явился реальным выражением общемонгольской этничности в целом и бурятской этничности в частности.

Таким образом, Кяхтинское соглашение стало определяющим фактором всей политической жизни Внутренней Азии до революции в России 1917 г. Поэтому все последующие попытки монголов Внешней и Внутренней Монголии добиться объединения и независимости наталкивались на сопротивление не только Китая, но и России и Японии.

Список литературы

1. *Андрей Белый*. Петербург [роман] / А. Белый. – СПб. : Кристалл, 1999. – 976 с.
2. *Барадин Б.* Бурят-монголы. Краткий исторический очерк. Формирование бурят-монгольской народности / Б. Барадин. – Верхнеудинск, 1927.
3. *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец монгольской национальной революции 1911 г. // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2013. – № 3 (11). – С. 121–137.
4. *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М. : ИВ РАН, 1999. – 238 с.
5. *Белов Е. А.* Россия и панмонгольское движение 1911–1919 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 175–179.
6. *Богданов М. Н.* Бурятское «возрождение» // Сиб. вопр. : период. сб. – СПб. : Изд. В. П. Сукачев, 1907. – № 3. – С. 38–49.
7. *Богословский В. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. – М. : Наука, 1984. – 263 с.
8. *Ванчикова Ц. П.* Об одном списке намтара Джебзундамба-хутухты Занабазара из монгольского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 8. Сб. ст. ИМБТ. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад. им. В. Р. Филиппова, 2014. – С. 188–189.
9. *Вольпер О. В.* Православие и ислам в контексте государственности России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2016. – Т. 22, № 5. – С. 48–59.
10. *Жамцарано Ц.* Бурятское народническое движение и его критик // Сибирские вопросы: периодический сборник. – СПб. : Изд. В. П. Сукачев, 1907. – № 21. – С. 16–21; № 23. – С. 17–20; № 24. – С. 15–20; № 25. – С. 15–21.
11. История Монголии. XX век. – М. : ИВ РАН, 2007. – 448 с.
12. *Клеменц Д.* Пессимизм на бурятской почве // Сиб. вопр. : период. сб. – СПб. : Изд. В. П. Сукачев, 1907. – № 10. – С. 7–28.
13. *Крайнова Л.* Экономические основы буддийской церкви и монастырей Монголии в конце XIX – начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX в.: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. Статьи участников III Междунар. науч.-практ. конф. сб. науч. тр. – Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 80–86.
14. *Кузьмин С. Л.* Легатимация теократической власти и восстановления монгольской государственности в начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. Статьи участников III Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. – Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 49–67.
15. *Кузьмин С. Л.* Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Россия и Монголия в начале XX в.: дипломатия,

экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. Статьи участников Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. – Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 86–92.

16. *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в. – М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2016. – С. 34–58.

17. *Кузьмин С. Л.* Последний великий хан Монголии / С. Л. Кузьмин, Ж. Оюунчимэг // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 1. – С. 59–64.

18. *Кузьмин Ю. В.* Российская историография XX в. российско-монгольских отношений (1900–1921) // Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2015. – С. 46–62.

19. *Курас Л. В.* VIII Богдо-гэгэн Джэбдцзундамба-хутухта и Уполномоченный Российского императорского правительства в Монголии И. Я. Коростовец: роль личности в транснациональной истории монгольского мира в начале XX в. // Вестн. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. – 2016. – № 2 (11). – С. 21–30.

20. *Курас Л. В.* Монгольский мир в начале XX в. (К 100-летию подписания Кяхтинского тройственного соглашения) // На границе народов, культур и миров», посвященной 125-летию Кяхтинского краеведческого музея : материалы науч.-практ. конф. Тр. Кяхт. краевед. музея им. акад. В. А. Обручева. Кяхта, 9–10 сент. 2015 г. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2015. – С. 149–165.

21. *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. [монография] / Л. В. Курас / отв. ред. Б. В. Базаров ; науч. ред. М. Н. Балдано. – Иркутск : Отгиск, 2016. – 252 с.

22. *Курас Л. В.* У истоков панмонголизма // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2017. – № 2.

23. *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. – М. : Вост. лит., 1995. – 168 с.

24. *Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама / Р. Г. Ланда. – М. : Медина, 2011. – 508 с.

25. *Левитов И. С.* Желтая раса / И. С. Левитов. – СПб. : Тип. Г. А. Бернштейна, 1900. – 40 с.

26. *Левитов И. С.* Желтая Россия. Доклад И. Левитова / И. С. Левитов. – СПб. : Тип. Г. А. Бернштейна, 1901. – 53 с.

27. *Левитов И. С.* Желтороссия, как буферная колония (Доклад, прочитанный в общем собрании общества для содействия русской промышленности и торговле 16 мая 1905 г.) / И. С. Левитов. – СПб. : Тип. Г. А. Бернштейна, 1905. – 120 с.

28. *Молодяков В. Э.* Концепция двух Востоков и русская культура Серебряного века // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1990. – Т. 49, № 6. – С. 504–514.

29. *Поздеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – СПб. : ИАН, 1887. – С. 198–199.

30. *Полонская Л. Р.* Влияние религии на общественную мысль народов Востока / Л. Р. Полонская, А. Д. Литман // Народы Азии и Африки. – 1996. – № 4. – С. 3–15.

31. Поэзия серебряного века. 1880–1925 [Сборник] / сост. и авт. вступ. ст. Е. И. Осетров. – М. : Худож. лит., 1991. – 574 с.

32. *Саблин И. В.* «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. ст. – М. : ИВ РАН, 2014. – С. 135–155.

33. Синьхайская революция 1911–1913 гг. : сб. док. и материалов / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М. : Наука, 1968. – 249 с.

34. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Закашвили, И. Окуневой / общ. ред. А. В. Смирнова. – М. : Проксис, 2004. – 464 с.
35. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с включением краткой повести об антихристе с приложениями / В. С. Соловьёв // Соловьёв В. С. Сочинения. В 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
36. Халудоров Т. В. Политические аспекты идеологии панмонголизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Халудоров. – М., 2005. – 23 с.
37. Храпченко Т. И. Понятия «федерация», «децентрализация», «автономия» в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Понятия о России: к исторической семантике имперской России / ред. А. Миллер, Д. Санжиков, И. Ширле. – М. : Нов. лит. обозрение, 2012. – С. 99–144.
38. Червонная С. М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отеч. зап. – 2003. – № 5. – С. 245–280.
39. Червонная С. М. И. Гаспринский – выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист // Этнограф. обозрение. – 1992. – № 1. – С. 158–166.
40. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – СПб. : Лань, 1999. – 524 с.

Evolution of Mongolism in the Early XXth Century from «Cultural Pan-Mongolism» to State Ideology

L. V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

Abstract. The article concerns the evolution process of Pan-Mongolism as a phenomenon from “cultural Pan-Mongolism” to state ideology as a result of the Xinhai Revolution of 1911–1913 and Kyakhta tri-partite agreement. The role of the Russian Empire and efforts of Russian diplomatic service are specifically highlighted. A significant issue of the research is the role of Bogdo-gegen in the history of contemporary Mongolia. Bodgo-gegen became a leader of the Mongolian theocratic state and an ideologist of Pan-Mongolism.

Keywords: VI. Solovyov, Pan-Mongolism, the VIIIth Bogdo-gegen Dzhebzundamba-khutukhta, Mongolian world, Xinhai Revolution, Kyakhta agreement.

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник*

*Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)65-51-37
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior Research Associate*

*Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)65-51-37
e-mail: kuraslv@yandex.ru*